

БИБЛИОГРАФИЯ**РЕЦЕНЗИЯ****На монографию К. В. Таран «Общественно-политическое движение в Черноморской губернии в период Первой российской революции (1905–1907 гг.)»****Банска Быстрица, 2014. Объем работы 13 п.л. Тираж – 1100 экз.**

Рецензируемая монография посвящена одной из актуальных тем отечественной истории – общественно-политическому движению в отдельно взятой многонациональной и поликонфессиональной губернии в период революции 1905–1907 гг., 110-летие начала которой приходится на 2015 г. Она постоянно была и остается в центре внимания ученых, поскольку помогает выявить степень ответственности общества и государственной власти за возможные социальные кризисы в условиях отсутствия или неполноценного диалога между ними. Об этом и сегодня свидетельствуют события в ряде стран Ближнего Востока и постсоветского пространства, в частности на Украине. Поэтому знание и учет исторического опыта имеет не только академическое, но и практически-политическое значение.

Необходимость обращения к истории российской революции 1905–1907 гг. в постсоветский период на уровне отдельного региона оправдана и обусловлена потребностью отечественной историографии с позиций идеологического плюрализма подойти к анализу политической истории. Рецензируемая работа представляет авторскую концепцию на причины и характер общественно-политического движения в губернии в 1905–1907 гг., роль и влияние социалистов-революционеров, социал-демократов, национальных социалистических политических партий и либеральных организаций на ход революции. При этом особо акцентируется внимание на национальной принадлежности членов партии в Сочинском округе, и с этим увязывается в нем цель движения.

В советской историографии тема революции 1905–1907 гг. была одной из центральных. Прав автор, когда отмечает, что и региональные особенности изучались в большинстве случаев как борьба рабочего класса под руководством большевиков с царизмом. Такой подход, по его мнению, сохранил значительное количество «белых пятен». К ним отнесены политические и национальные противоречия. Особое место уделено сепаратизму, связываемому с революционерами из числа грузинской национальности, которые хотели присоединить Сочинский округ к независимому Грузинскому государству (с. 8), анализируется советская историография (с. 12–17).

В целом следует согласиться с авторской оценкой политико-идеологической направленности работ советских историков, обусловленной партийной цензурой. Действительно, имела место идеализация деятельности большевиков, которые вели борьбу с мелкобуржуазными социалистами.

В своей монографии К. В. Таран вводит в научный оборот значительный новый фактический материал, в том числе архивный. Данные, приводимые им, уточняют и дополняют общеизвестные факты революционного движения в губернии. Например, анализируя железнодорожную забастовку в Новороссийске в июле 1905 г., когда в результате столкновения погибло 13 человек и было ранено 15, он возлагает вину на обе стороны и считает, что стрельбу начали рабочие, которых вооружили социал-демократы (с. 63). Следует согласиться и с тем, что в июне 1905 г. в губернии не было черносотенных организаций, а поэтому призывы к вооружению против «черной сотни» служили дестабилизации политической обстановки (с. 53). Приведены интересные сведения о Сочинском восстании, Совете рабочих депутатов в Новороссийске (с.109–115). Значительное место занимают факты, связанные с межличностными отношениями в деятельности партийных организаций, вытекающих из национальной принадлежности.

Действия прежде всего в Сочинском округе рассматриваются в контексте событий в Кутаисской губернии, где развернулось национально-освободительное движение. Не без оснований отмечается, что в 1906–1907 гг., особенно после поражения революции, деморализованные представители социал-демократов и эсеров пополняли ряды эсеров-максималистов и анархистов, которые фактически преследовали корыстные цели в добывании денежных средств, занимались самообеспечением, используя политические лозунги, и превратились в организованные преступные группировки (с. 130–132). В общем, используя новый эмпирический материал и историографию постсоветского периода, К. Таран по-иному трактует многие устоявшиеся в советской историографии оценки основных событий в губернии в годы революции.

В рецензии, конечно, невозможно определить свое отношение к каждому факту или оценке автора. Остановлюсь на некоторых, на мой взгляд, существенных положениях, связанных с революционным терроризмом, его взаимосвязи с массовым движением и вооруженным восстанием, соотношением социального и национального в общественно-политическом движении.

Отмечая обострение социальных противоречий в губернии, автор стремится исходить из тезиса равновиновности власти и социалистических организаций. Склонность последних к провокациям способствовала дестабилизации политической обстановки в регионе. Речь идет о систематическом неразборчивом насилии с применением оружия в отношении рабочих, торговцев и других слоев населения. Приводится много фактов.

В частности, отметим угрозы рабочим по постройке Новороссийско-Сухумского шоссе, дороги Адлер-Гагры, турецким рабочим в Сочи и торговцам с целью прекращения работ (с. 60, 65) и др. Акцентируется внимание на терроризирование со стороны социал-демократов (с января 1905 г. до Манифеста 17 октября в губернии зафиксировано 18 убийств, 17 из которых по политическим мотивам). К. Таран, по сути, соглашается с мнением полицейских чинов о проекте устава организации «Военно-технических групп» и «Боевых дружин», выработанный Северо-Кавказским комитетом РСДРП, который утверждал террор (с. 66, 68).

Не уходя в глубокий анализ теории и практики террора социалистических партий, особенно эсеров, отметим, что ими террор рассматривался прежде всего как средство усиления социального движения. Необходимо разграничивать теракты по решению партий и по инициативе отдельных членов организаций в качестве актов возмездия за то, что они считали преступлением против народа или лиц, не являющихся членами партий и прикрывающихся социалистической революционной фразеологией. Например, известно, что ЦК партии эсеров не раз приостанавливал и возобновлял террор, хотя на местах запрет зачастую не соблюдался. Конечно, это свидетельствует и о слабой партийной дисциплине, и о немногочисленности сознательных социалистов. Это понимали и идейные партийцы и предпринимали соответствующие шаги по их прекращению. Даже при радикальных действиях со стороны политических партий вряд ли можно было вызвать общественное движение при отсутствии объективных причин. Не только нерешенность рабочего, национального и др. вопросов, поражение в русско-японской войне, но и отсутствие в условиях самодержавного режима и соответствующей политико-правовой культуры государственной власти законных возможностей у общества принимать участие в управлении государством, в решении социальных вопросов были факторами, влияющими на общественные настроения.

Прав автор, когда говорит, что эволюция лучше, чем революция. Тем более когда революция сопровождается массовым террором. Но в условиях авторитарных режимов эволюционное развитие во многом зависит от государственной власти. В начале XX в. и после Манифеста 17 октября 1905 г., когда государственный механизм начал претерпевать определенные, но недостаточные (даже, по мнению октябристов, не говоря уже о кадетях) изменения, непоследовательность и медлительность в дальнейшем реформировании не способствовали стабилизации ситуации. В частности, принципы формирования и компетенция представительного (законодательного) органа – Государственной Думы и Госсовета – были нарушением положений самого Манифеста и свидетельствуют, что серьезного диалога между обществом и властью не получилось. Кроме того, с точки зрения официальной власти,

несанкционированные общественно-политические движения являются дестабилизирующим фактором. А Временные правила об обществах и собраниях были приняты лишь в начале марта 1906 г.

Во многом с этим было связано и отношение либеральной части гласных городских дум к происходящим в октябре – декабре 1905 г. событиям и выборам в Государственную Думу 1906–1907 гг. В Новороссийске и Сочи по решению городских управ учреждаются городские охраны, которые вооружаются и финансируются. С точки зрения официальной власти они являлись такими же нелегальными вооруженными формированиями, как и милиция и боевые дружины социал-демократов и эсеров.

Совместно с участием Совета рабочих депутатов они организовали в Новороссийске сбор денег для безработных и бастующих рабочих в декабре 1905 г. Конечно, не исключено насильственное изъятие денег («революционный рэкет» с. 96). Но, видимо, были и добровольные пожертвования. Вопрос требует специального изучения с привлечением разнообразных источников.

Значительное место в монографии отведено национальному аспекту в общественно-политическом движении, прежде всего в Сочинском округе. Автор упоминает о деятельности социалистических организаций национальных политических партий: армянской социал-демократической партии «Гнчак» («Колокол»), армянской партии эсеровского направления «Дашнакцутюн» («Армянская революционная федерация»), грузинской революционной партии социалистов-федералистов. Говоря о местных организациях РСДРП и ПСР, со ссылкой в первую очередь на источники субъективного происхождения, в частности, на мнение современника тех событий, чиновника М. Краевского, отмечается, что в Сочи грузины составили социал-демократическую партию, а русские партию социалистов-революционеров (с. 78), которые преследовали разные политические цели. Социал-демократы во главе А. Гватуа и Хуцишвили вынашивали сепаратистские цели и стремились включить Сочинский округ в состав Грузии (с. 87, 91 и др.). Для этого и готовилось вооруженное восстание, которое не было поддержано остальными политическими и национальными организациями (с. 116).

Известно, что в России национальный вопрос был в числе острейших нерешенных проблем, с которыми связано и возникновение национальных политических партий с требованием самоопределения для своих народов. И в программных документах двух крупнейших социалистических партий – РСДРП и ПСР одним из основных принципов являлся принцип самоопределения наций.

В мирном социалистическом движении это право было сформулировано конгрессом II Интернационала (Лондон 1896 г.). Его суть сводится к тому, что в многонациональных государствах народы получают возможность свободного самоопределения. В зависимости от характера политического режима самоопределение могло быть «внутренним» (внутри государства в той или иной форме) и «внешним» (выход из государства и создание собственного суверенного государства). Однако чтобы этот теоретический принцип стал правовым, он должен быть закреплен законодательно в государстве.

Россия в начале XX в. была унитарным строго централизованным государством. Этнонациональный вопрос – явление конкретно-историческое. Но он всегда остается сложным в теоретическом и острым в политическом отношении. Его практическая реализация требует, прежде всего, учитывать права человека и право государства на территориальную целостность. Социалистические партии решение национального вопроса связывали с социализмом. Но на промежуточном этапе к нему в условиях демократического режима возможны были разные пути его решения.

Вопреки мнению автора, армянские партии в соответствии с их программами в рассматриваемое время применительно к России не ставили вопрос о независимом государстве. Для «Гнчак» речь шла о «внутреннем» самоопределении в демократической республике в рамках децентрализации управления, что позволяло в условиях многонациональных и поликонфессиональных стран учитывать местные особенности. Партией «Дашнакцутюн» для Закавказья ставилась задача создания Закавказской демократической федеративной республики, независимой во всех своих внутренних делах и являющейся частью Российской демократической федера-

тивной республики. За федеративное устройство высказывалась и ПСР. В соответствии с программой РСДРП демократическая республика должна была предоставить широкое местное самоуправление; областное самоуправление для тех местностей, которые отличаются особыми бытовыми условиями и составом населения (п. 3); право свободного обучения и пользования родным языком, введение родного языка наравне с государственным во всех местных общественных и государственных учреждениях (п. 8); право на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства.

С целью определения позиций социал-демократических организаций Кавказа и Закавказья (в Грузии были сильны позиции меньшевиков) сошлемся на резолюции по национальному вопросу конференции кавказских с.-д. организаций (конец апреля 1905 г.) и 4-го съезда закавказских с.-д. организаций (сентябрь 1906 г.). Первая отвергает территориально-национальную автономию народов Кавказа и федерацию и ратует за межнациональное областное самоуправление для всего Кавказа с компетенцией у центрального органа регулировать, в пределах общероссийского законодательства, социально-политическую жизнь Кавказа (Меньшевики. Документы и материалы. 1903-1917 гг. М., 1996. С. 130–131).

Съезд отвергает территориальную и территориально-национальную автономии закавказских народов и считает нужным добиваться полной демократизации государственного строя, политического и гражданского равноправия без различия наций; свободного пользования родным языком; создания для всего Закавказья областной единицы с центральным органом, избранным демократическим путем для удовлетворения культурно-хозяйственных нужд в пределах общероссийского законодательства (там же, С. 222–223). Судя по источникам партийного происхождения, на данном этапе речь шла о «внутреннем» самоопределении наций.

Таким образом, рецензируемая монография является авторской концепцией исследуемой темы. В ней имеется система ценных фактов и выводов: о стачечном движении; становлении общественно-политических объединений социалистической и этнической ориентации, взаимоотношениях между ними, их роли в вооруженных восстаниях, месте террора в тактике партий; формировании народной милиции, народных судов, боевых дружин; межнациональных взаимоотношениях; взаимоотношениях между социалистами и либеральной демократией; действиях царской администрации. Вместе с тем, на мой взгляд, имеют место как ошибочные суждения, так и ряд выводов, не являющихся истиной в последней инстанции. Они дискуссионны, что стимулирует их дальнейшее изучение с привлечением широкого круга разнообразных источников.

